

УДК 343.1

**МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ «ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»
В СРАВНЕНИИ С АНАЛОГИЧНОЙ МЕРОЙ ПРЕСЕЧЕНИЯ,
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****А. И. Коврижкин**

Институт повышения квалификации и переподготовки
Следственного комитета Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры управления
органами предварительного расследования
e-mail: alexium03212022@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы включения в отечественное уголовно-процессуальное законодательство меры пресечения в виде запрета определенных действий, ее отличие от домашнего ареста. Автором осуществлено сравнение содержания запрета определенных действий в белорусском и российском законодательстве, сделан вывод о необходимости анализа и учета российского опыта применения указанной меры пресечения.*

***Ключевые слова:** альтернативная мера пресечения, запрет определенных действий.*

***Annotation.** The article deals with the introduction of a preventive measure in the form of a prohibition of certain actions into the domestic criminal procedural legislation, its difference from house arrest. The author compares the content of the prohibition of certain actions in the Belarusian and Russian legislation, concludes that it is necessary to analyze and take into account the Russian experience in the application of this preventive measure.*

***Keywords:** alternative preventive measure, prohibition of certain actions.*

В последние двадцать лет в Республике Беларусь наблюдается закономерная тенденция к снижению доли заключения под стражу среди других мер пресечения, применяемых в отношении подозреваемых (обвиняемых). Если в 1999 году эта мера пресечения санкционирована в отношении 40,8 % обвиняемых по делам, направленным в суд, то в 2019 — в отношении 24 %, а в 2020 — в отношении менее 20 %.

Приведенные данные свидетельствуют об актуальности применения органами уголовного преследования альтернативных мер пресечения в отношении подозреваемых (обвиняемых) лиц.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством меры пресечения — это принудительные меры, применяемые к подозреваемому или обвиняемому для предотвращения совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, или действий, препятствующих производству по уголовному делу, а также для обеспечения приговора [1].

Очевидно, что применяемая к тому или иному подозреваемому (обвиняемому) мера пресечения должна быть максимально индивидуализированной, то

есть быть достаточной для реализации целей, преследуемых правоприменителем. Она не должна быть чрезмерной, то есть необоснованно нарушать или ограничивать конституционные права и свободы участника уголовного процесса. Одновременно она не должна быть и недостаточной, то есть неэффективной. Индивидуализация применения мер пресечения возможна при наличии у правоприменителя более широкого перечня уголовно-процессуальных инструментов.

Законом Республики Беларусь № 85-З от 6 января 2021 года «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» расширен спектр альтернативных заключению под стражу мер пресечения, и с 14 апреля 2021 года представители органов уголовного преследования могут применять новую меру, которая именуется «запрет определенных действий» [2].

Актуальность исследования запрета определенных действий обусловлена новизной данной меры пресечения в уголовном процессе Республики Беларусь, отсутствием соответствующей правоприменительной практики, неурегулированностью механизмов контроля за ее применением.

Целью настоящего исследования является осуществление сравнения новой меры пресечения со схожей мерой пресечения, закрепленной в уголовно-процессуальном законе, действующем в Российской Федерации.

Порядок применения запрета определенных действий описан в ст. 123¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Республики Беларусь с одноименным названием. Запрет определенных действий заключается в возложении на подозреваемого (обвиняемого) обязанности соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 3 ст. 123¹ УПК Республики Беларусь, а также осуществлении контроля за соблюдением возложенных на них запретов.

Перечень запретов, предусмотренный законом, является исключительным и не подлежит расширительному толкованию. К ним относятся:

- запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;
- запрет пребывать в общем с потерпевшим жилком помещении и распоряжаться общей совместной собственностью — для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи;
- запрет общаться с определенными лицами;
- запрет отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- запрет использовать средства связи и глобальную компьютерную сеть Интернет;
- запрет управлять транспортным средством — если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Применение указанной меры пресечения в соответствии с установленным правилом возможно только с санкции прокурора [2].

Отдельные перечисленные запреты содержатся в конструкции меры пресечения в виде домашнего ареста. Вместе с тем между указанными мерами пресечения (домашним арестом и запретом определенных действий) имеется существенное отличие, выраженное в цели их применения. Так, целью домашнего ареста и применяемых в рамках данной меры пресечения запретов является прежде всего изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества. Запрет определенных действий по своей сути является более мягкой мерой пресечения и ее целью является не столько изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества, сколько более точечное, индивидуальное воздействие на подозреваемого (обвиняемого) для обеспечения целей предварительного расследования и правомерного поведения последнего.

По результатам анализа уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, Украины, Грузии, Республики Армения, Республики Казахстан и Азербайджанской Республики установлено, что единственной из перечисленных стран, где существует самостоятельная мера пресечения в виде запрета определенных действий, является Российская Федерация. Данная мера введена в УПК Российской Федерации в апреле 2018 года (ст. 105.1 УПК) и применяется на практике до настоящего времени. В остальных же государствах аналогичной либо схожей меры пресечения не существует. Однако в ряде стран уголовно-процессуальное законодательство содержит запреты и обязательства для подозреваемых (обвиняемых), которые применяются в качестве дополнительных мер к основным мерам пресечения для обеспечения индивидуализации воздействия на участников уголовного процесса.

Белорусские законодатели пошли по пути нормотворчества Российской Федерации. Вместе с тем при всей схожести норм имеются все-таки и существенные отличия, которые целесообразно осветить.

Одним из отличий меры пресечения, принятой в Беларуси, от действующей в России является то, что в конструкции отечественной нормы отсутствует запрет выхода за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый (обвиняемый). В УПК Российской Федерации подобный запрет имеется, требует от правоприменителя продления его срока, имеет ограничения по срокам применения запрета в зависимости от тяжести инкриминируемого деяния [3]. Считаем, что подходы белорусского законодателя в этой части являются более обоснованными и исключают дублирование запретов, предусмотренных более строгой мерой пресечения в виде домашнего ареста. При включении данного запрета в перечень ограничений мера пресечения по своей смысловой нагрузке и цели применения ничем бы не отличалась от домашнего ареста. Включение же

новой меры пресечения в УПК в число альтернативных мер имеет прежде всего цель расширить спектр инструментов правоприменителя для выбора более взвешенного, индивидуального подхода с учетом личности подозреваемого (обвиняемого) и иных обстоятельств уголовного дела.

Следует также отметить, что положения ст. 123¹ УПК Республики Беларусь не содержат требований о вручении копий постановления заинтересованным участникам уголовного процесса и направлении его копии органу, контролирующему запреты. По нашему мнению, отсутствие регламентации процессуального порядка в этой части может негативно сказаться на практике правоприменителей. Так, например, член семьи, пострадавший от совершения насильственных или иных действий подозреваемого (обвиняемого), имеет право знать о возложении на последнего запрета пребывать в общем с потерпевшим жилым помещении и распоряжаться общей совместной собственностью. При отсутствии в законодательстве требования к органу уголовного преследования выдать копию постановления о применении меры пресечения либо иным образом уведомить об установленном запрете создаются условия для ненадлежащего информирования заинтересованного участника уголовного процесса, а также для необоснованного отказа со стороны следователя в удовлетворении ходатайства о выдаче копии процессуального документа. Российское же законодательство предусматривает направление постановления судьи лицу, возбуждавшему ходатайство, прокурору, в контролирующий орган по месту жительства или нахождения подозреваемого (обвиняемого), его защитнику и (или) законному представителю, а также потерпевшему, свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства, если запрет определенных действий связан с обеспечением безопасности этих лиц [3]. Считаем указание в законе подобного процессуального порядка информирования вполне обоснованным и необходимым для включения в норму ст. 123¹ УПК Республики Беларусь.

Как в мере пресечения в виде запрета определенных действий, принятой белорусскими законодателями, так и в российской мере существует возможность установления запрета на управление транспортным средством в отношении лиц, которым инкриминируется совершение преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Вместе с тем способы контроля указанного запрета, установленного в УПК Республики Беларусь, со стороны органа уголовного преследования не указаны. Российские же законодатели закрепили в ст. 105.1 УПК необходимость изъятия у подозреваемого (обвиняемого) водительского удостоверения, а также указали место и сроки его хранения (должно храниться при уголовном деле до отмены данного запрета) [3]. Считаем, что указание в законе об изъятии водительских документов является принципиальным и необходимым, так как это регулирует механизм

контроля за исполнением запрета, а также разрешает возможные конфликтные ситуации между представителями органа уголовного преследования и другими участниками уголовного процесса в части трактовки обоснованности изъятия документов.

Отличаются также требования белорусского и российского уголовно-процессуального законодательства к содержанию постановлений о применении (избрании) меры пресечения в виде запрета определенных действий. В норме, закрепленной в УПК Российской Федерации, изложено требование об указании конкретных условий исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов в виде необходимости указания района, населенного пункта, с которыми связаны запреты, мест, запрещенных для посещения, данных о расстоянии, ближе которого запрещено приближаться к определенным объектам, что позволяет правоприменителю указывать в постановлении родовые признаки мест (например, рестораны, кафе, спортивные сооружения и т. д.). Указание точного адреса УПК Российской Федерации требует в случае применения запрета выхода из жилого помещения [3]. Белорусский законодатель также предусмотрел указание схожих условий исполнения меры пресечения, однако потребовал от следователя (сотрудника органа дознания) отражать в постановлении конкретные адреса мест, запрещенных для посещения, и их расположение [2]. Если буквально трактовать норму, то в постановлении о применении меры пресечения при установлении запрета подозреваемому (обвиняемому) посещать, например, увеселительные заведения г. Минска необходимо указать адреса и месторасположение всех кафе, ресторанов, дискотек, пабов, кофеин и т. д. По нашему мнению, указание в постановлении о применении меры пресечения адресов запрещенных для посещения мест является излишним требованием законодателя. Достаточным является указание мест, запрещенных для посещения, по родовому признаку (например, спортивные сооружения, торгово-развлекательные комплексы, заведения общественного питания и т. д.).

В ч. 11 ст. 105.1 УПК Российской Федерации законодатели акцентировали свое внимание на органе, осуществляющем контроль за установленными в отношении подозреваемых (обвиняемых) запретами, — федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных (которым является Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации), а также на способах контроля и порядке взаимодействия с заинтересованными органами [3].

В развитие указанной нормы внесены изменения в нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации (постановление от 18 февраля 2013 года N 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных тех-

нических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») [4], а также издан совместный приказ Министерства юстиции, Следственного комитета, Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел Российской Федерации (приказ № 189/87/371/603 от 31 августа 2020 года «Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог») [5], регламентирующий порядок осуществления контроля за соблюдением ограничений и запретов.

Белорусские законодатели и заинтересованные государственные органы вопросу контроля за исполнением запретов, которые могут быть установлены в рамках указанной меры пресечения, пока своего внимания не уделили. Вместе с тем вопрос контроля за исполнением перечисленных в ст. 123¹ УПК Республики Беларусь запретов является наиболее актуальным. От этого в большей степени зависит, станет ли данная мера пресечения применяться следователями (сотрудниками органа дознания), а также насколько это будет эффективно.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, решение о введении в систему мер пресечения новой меры в виде запрета определенных действий является целесообразным, так как это может способствовать более широкому применению альтернативных мер пресечения, осуществлению более избирательного, индивидуального подхода к применению мер в отношении конкретного подозреваемого (обвиняемого) с учетом его личности, обстоятельств дела и иных критериев. По результатам сравнительного анализа норм белорусского и российского уголовно-процессуального законодательства в части закрепления в УПК положений о мере пресечения в виде запрета определенных действий при всей схожести в названии выявлены существенные различия между ними, что указывает на актуальность и необходимость изучения и использования российского опыта применения запрета определенных действий для определения возможных путей оптимизации применения новой меры в Республике Беларусь.

---

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2021 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

2. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 6 янв. 2021 г. № 85-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. Доступ из информ.-поисковой системы «ЭТАЛОН». [Вернуться к статье](#)

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 05 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 09.07.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

4. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог [Электронный ресурс] : пост. Правит. Российской Федерации, 18 февр. 2013 г., № 134 : в ред. от 15 нояб. 2018 г., № 1377. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Об утверждении порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог [Электронный ресурс] : приказ Минюста, МВД, СК, ФСБ Российской Федерации, 31 авг. 2020 г., № 189/603/87/371. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)